

Анастасия ЕСИНА (г.Москва) **ОТРАЖЕНИЕ ЗЛА**

Существует тонкая грань, похожая на легкую шелковую ленту, развивающуюся на ветру и отделяющую мысли одного человека от действий другого. Иногда больно сознавать, что все, о чем ты смел только мечтать, уже совершил кто-то другой; и совершенно невозможно представить поступки, о которых ты и помыслить не мог. В этом огромном мире, полном разнообразия черт и характеров людей, два человека, схожие изнутри, с одной навязчивой идеей и постоянно повторяющейся мыслью, могут просто не найти друг друга и всю жизнь проходить мимо. Но возможно дороги, которые искривляются и расходятся в последний момент, делают это не зря. Возможно даже, что если бы они столкнулись, это могло привести к необратимым последствиям — мысли одного и поступки другого вошли бы в крушительный фаталистичный союз.

Один из них приходил в этот лес, чтобы сокрыть здесь плоды своих действий от чужих непрошенных взоров. Он знал, чувствовал присутствие другого, всегда искал его. Сердце его билось с замиранием долгожданной встречи, и это ожидание, похоже, было единственным, что приводило в движение его кровь. Второй же, прогуливаясь по парку, вслушивался в шум листвы, поскрипывание деревьев — свидетелей многих интересных событий, происходивших здесь, — рассматривал небо и просто наслаждался сущностью

своего бытия. Он ничего не искал и никого не ждал — люди сами находили его, когда их разум впадал в наиболее восприимчивое к его словам состояние. Без сомнения, где-то на подсознательном уровне эти два человека, приходившие сюда с разными целями, знали о существовании друг друга, но дороги их не сталкивались. И невозможно было определить, что было сильнее: действия первого или мысли второго, что больше влияло на судьбы окружающих людей. И что кому было важнее.

Со стороны можно было подумать, что он все делает бессознательно, почти безумно, но на самом деле Никита продумывал каждый шаг. В первое время он даже зарисовывал все места преступлений и их сокрытия, пока не привык с точностью воссоздавать свой план в воображении. Это было очень полезно, правда, приходилось все время тренировать память, чтобы не упустить какую-нибудь мелкую деталь из вида. А потому он постоянно читал стихи — этот способ был ему известен еще с детства и весьма прост в исполнении. Стихи он любил разные: от старых песенок и фольклорных баллад, до поэм и трагедий классиков. Это была первая из двух его главных страстей, вторая же — любовь к антиквариату, старинным и раритетным вещам, в которых он обладал редкостным великолепным вкусом. И оба своих увлечения удачно реализовывал в работе.

Да, именно работа, вот чем было для него это занятие. Не психическое отклонение или извращенная страсть, а род деятельности, самостоятельно им выбранный. Убийства людей по анонимному заказу — своеобразная игра с очень жестокими правилами. Ты никогда не знаешь лица и имени заказчика, цели и мотивов убийства, и всегда должен помнить, что в следующий раз мишенью можешь стать ты сам. Киллеров-одногодников убивают чаще, но и профессионалу не стоит расслабляться. Никите везло: он часто менял номера счетов и адреса, аккуратно выбирал заказы. И еще клиентам нравилась манера его работы: всегда было трудно определить, заказное ли это убийство, чья-то месть или безумство маньяка. Все оттого, что Никита хорошо разбирался в людях.

Но постоянно, неосознанно для самого себя, он искал. Почему он выбрал именно такую работу? А по каким критериям мы все выбираем себе профессию? Наугад, по присущим нам свойствам, по нраву... Когда-то давно, когда его моральные устои еще только формировались, а представление о мире было смутным и туманным, он наткнулся на мысль, что между добром и злом — очень важный урок для ребенка, который не стоит пропускать, — нет никакой разницы, что это две составляющие реального мира, и от них не убежать, с ними нельзя бороться. И эта случайная фраза так захватила его мысли, как бывает у очень впечатлительных детей, и с тех пор он стал пропускать все поступающие в его разум знания и уроки через фильтр этой идеи. Но только одно это, естественно, не могло быть единственной точкой определения его судьбы. Ведь мысли и чьих-то взглядов вокруг миллионы, а мы выбираем из них какие-то конкретные и

делаем для себя принципом жизни. Почему? Все зависит от человека. Кто-то есть просто наиболее благодатная почва именно для этих зерен. Только то, какие мы изнутри, может определить образ наших мыслей. Несмотря на свое окружение, Никита не стал добропорядочным человеком, деловым трудоголиком, развлекающимся бездельником, спортсменом, солдатом или кем-то еще. Просто внутри он был холоден и жесток, бесчувственен, насмешлив и высокомерен. И только искал выхода своей темной стороне, а потому ухватился за первую попавшуюся возможность. Но с тех пор он неутомимо искал носителя этой идеи, потому как сам, при всех своих способностях к действию, не мог превратить ее в концепцию с формулой и всеми вытекающими из нее. И от этого был в вечном поиске обоснования своих поступков, ведь даже случайная мысль, пусть и получившая столь полное развитие, не могла не донимать его сомнениями.

Может, что-то в глубине его самого могло его остановить, но Никита одинаково хорошо управлял как голосом своего разума, так и голосом своего желания, голосом совести, не давая сомнениям сбить себя с пути.

Он сидел на краю стола, вертя в руках расписную фарфоровую вазу — часть коллекции убитого им только что человека, причем не самая приметная, — и с улыбкой читал стихи самому себе:

— Чем жизнь такая радостна для вас?

Не надоест вам всем в глуши слоняться?

Я понимаю — сделать это раз,

А там опять за новое приняться.

Он с удивительной ловкостью подбросил хрупкую вазу вверх, поймал ее, причем длинные белые пальцы его не разу не скользнули по чуть шершавой, но все же довольно ровной округлой поверхности.

— Красивая вещица, — сказал Никита тоном истинного ценителя. — Я ее, пожалуй, заберу.

И спрыгнул со стола на пол. Но тут же с отвращением попятился назад: темно-алое пятно, медленно растекаясь по лакированному дубовому полу и впитываясь в ковер, все ближе подползало к его тонким классическим ботинкам. Конечно, это странно для его профессии, но Никита не выносил вида и запаха чужой крови, относился к ней весьма брезгливо, с отвращением, как к грязи.

— Как неприятно — так пачкать собой пол, — вряд ли Никиту кто-то слышал, да он и не ожидал этого.

В голове уже развернулась картина последующих событий, которую он желал воплотить, и все же ему придется испачкаться в крови. Эти неприятные моменты всегда подстерегали его на работе.

Любая работа — творческая. Чтобы убить человека, можно заранее просчитать нюансы, разработать план, но чтобы скрыть место преступления, необходимо вдохновение. Обычно все делается быстро, неаккуратно и весьма посредственно — сразу видно, где старался, а где спустил. Никита же умел делать все так точно, что казалось спонтанным, но на деле было весьма изобретательно. Даже розовый легкий платок, слегка повязанный на сухой сук, в полночной тишине не выдавал мотивов его искусства, был явно к месту и дополнял картину — куда там положению тела или следам колес на земле. И как всякий творческий человек, Никита замер на секунду, наблюдая творение рук своих, хотя и сам мог бы доставить удовольствие ценителям прекрасного: белокожий стройный парень, выглядевший гораздо моложе своих лет, в темной дорогой одежде, с чуть надменной улыбкой на красивых губах, светло-золотистыми блестящими волосами, ровными волнами падающими на лоб, под которым почти сияли глаза цвета чистого лазурного неба. Да, так он выглядел после преступлений, да и вообще всегда, — пустое сердце не порождало пустоты взгляда, напротив, он был похож на неземное создание. Только вот оно не всегда может оказаться ангелом.

Она часто возвращалась по этому парку вечером домой одна. Иногда бывало страшновато, иногда — просто привычная дорога. Казалось, она знает каждое дерево, каждый куст, лавочку, белку. Временами встречались шумные компании, временами — одинокие прохожие. Но все это не изменяло одного: ей просто нужно дойти до дома. Однако мысли ее далеки были от этой дороги.

Фантазии, расплываясь среди мрачных деревьев чернильными пятнами, расходились вдаль, почти неуловимые, как капли крови, растекающиеся по земле. Серийные убийства... Ей было интересно это явление еще давно, с детства она заметила за собой это странное увлечение — после того, как сама чуть не стала жертвой маньяка. Сначала накатил ужас, отчуждение от мира, но потом детская нежная, как материнская забота, память стерла все неприятные, кошмарно отвратительные моменты. Временами ее беспокоили ночные кошмары, но потом это вылилось в какую-то странную навязчивую мысль, не желающую покидать разум.

Юлиана (а звали ее именно так) стала испытывать непонятные, не вполне естественные ощущения при виде крови, пугающее, нездоровое любопытство к человеческим внутренностям. Тягу к боли, причем, как к причинению оной, так и испытанию на себе. Часто она водила по своей коже лезвием, вырисовывая причудливые узоры или же слова, имеющие смысл только для нее, чуть душила себя упругой лентой, разглядывала сайты с садомазохизмом. Потом переключилась на форумы о серийных преступниках, читала статьи, анализы психиатров, исследовательские работы, биографии известных маньяков. Все это слишком увлекало, она пыталась воплотить свои мысли через рисунки и короткие рассказы, но сама ужасалась их и пугала окружающих, и потому приходилось все держать в себе.

Юлиана носила ошейник с тонкими заточенными шипами, на руке — по два кожаных браслета с двумя металлическими вставками, узкое железное кольцо на указательном пальце правой руки, а вместо шнурков на тяжелые ботинки повязывала алые ленты. Именно они выделялись в вечерней темноте, когда девушка, легко пританцовывая, шла по пустой парковой дороге.

Мысли опять несли ее прочь от окружающего мира, она кружилась, почти летя по дороге, забыв обо всем, как вдруг перед ней неожиданно возникла бледная человеческая фигура. Юлиана йкнула и споткнулась. А потом подняла глаза и всю их распахнула: перед ней стоял необыкновенно красивый молодой человек, который с

жадным остервенением оттирал кровь с обнаженного локтя белым влажным платком. Он тоже поднял глаза (голубые, как незабудки!) на испуганный звук и замер — вид у него был такой, будто он только недавно кого-то убил.

Наверное, она побледнела и отступила назад. А может наоборот, стала сосредоточенной и суровой, но вместо устрашающего оскала на губах юноши возникла загадочно-насмешливая улыбка, и он, убрав платок в карман, молча прошел мимо, как-то слишком быстро растворившись в темноте.

У Никиты возникла мысль избавиться от непрошенной свидетельницы, но он слишком хорошо отличал в чужих глазах страх от любопытства. И он позволил ей уйти на этот раз, все же подозревая, что она вернется.

А Юлиана? О да, ей овладело жгучее непоборимое любопытство, но еще больше — немое восхищение красотой и опасностью того, кто являлся живым и реальным представителем интересующего ее контингента людей. Девушка свернула в чашу, откуда по всей видимости появился незнакомец, и, простояв некоторое время среди кустов и спутанных веток, действительно обнаружила сырую землю, несколько ровных камней (явно не отсюда), и светлый шарф на суку, развивающийся в такт ветру. Сердце ее дико затрепетало, тело потеряло чувствительность, взгляд блуждал среди теней.

И с тех пор она искала этого незнакомца повсюду. Сначала ходила по перепутьям и аллеям, вглядываясь в паутину ветвей, похожих на застывшие вены, или просто сидела за книгой под деревом на холодной земле. И однажды дождалась...

Тонкий палец, едва касаясь, нежной нитью вел от похолодевшего предплечья до запястья мертвой руки, а потом ритмично побарабанил по подушечкам навеки замерших пальцев. Юлиана сидела на коленях, погрузившись в груду желтых опавших листьев, источавших запах сладковатой гнили. Ее серо-зеленые глаза с интересом смотрели на полузарытое в листву тело, как вдруг, отвлекшись от него, с нежностью обратились к Никите. Он стоял, чуть ссутулившись и облокотившись о широкий ствол старого клена, с удовольствием наблюдая эту картину.

— Каково это? — спросила Юлиана с детской непосредственностью.

— Убивать? Не трудно. Человеческое тело мягкое и хрупкое — только поначалу кажется, что это тяжело. Гораздо сложнее труп тащить.

— Нет, я не об этом. Я хотела спросить: каково почувствовать это, пропустить через себя?

— Хочешь понять — убей, — как же приятно слышать его мелодичный голос, даже когда он вот так смеется над ней!

Юлиана отвела взгляд. Не то, чтобы ей не приходила в голову мысль попробовать, — приходила, и не раз, — но она пугала, смущала и отталкивала ее.

— Не то, — ответила девушка. — Я хочу знать не только то, что испытывает убийца, но и что чувствует сама жертва в этот момент!

— Некоторое чувства нам просто не дано познать, — Никита засунул руки в карманы и обратил свой взор к небу — такому же чистому, как и его глаза, и лишь иногда прерываемому белесыми облаками. — Удивительно, что у некоторых людей эмоциональный диапазон гораздо ниже, чем у остальных. Интересно, кто распоряжается эмоциями человека, помещая их внутрь нашего сознания? Какой великой силой обладает он! И почему обделяет кого-то?

— Но ведь нужно чувствовать что-то особенное, чтобы убивать без причины? — Юлиана вновь повернулась к Никите, и он тут же посмотрел на нее.

— Убийства «просто так» не бывает, — снисходительным тоном ответил Никита. —

Даже отнятие жизни ради наслаждения, удовольствия — уже причина. А уж тем более любопытство, — и он подмигнул девушке.

— А что ты чувствуешь в такие моменты? — не унималась со своей настойчивостью Юлиана.

— Ничего.

Девушка отвернулась к телу, уже почти с жалостью взирая на него, и будто не желая принимать ответ своего собеседника.

— Интересно, а что она чувствовала?

— В большинстве случаев они испытывают страх.

— Да, но в какой степени? С какой силой? О чем думают в последние мгновения? — вопросы сыпались из нее, как из рога изобилия.

Никита сжал губы в сухой полуулыбке и откинулся от дерева.

— Рано или поздно ты об этом узнаешь.

Проходя мимо, он легонько потрепал девушку за волосы, приятно напевая:

— Mein sohn, nur Muth?

Wer Gott vertraut, baut gut!

Jetzt aufl in Bergen und Kluffen

Tobt morgen der freudige krieg.*

Юлиана отмахнулась от его руки, но ей нравилось слушать, как он читает или напевает что-то. Встречи их были коротки, разговоры немногословны, но она испытывала почти физическую потребность слышать его голос и видеть взгляд.

— Когда ты придешь сюда снова? — спросила она ему вслед.

— Может быть, никогда, — ответил он, не оборачиваясь.

Но в сердце ее уже настолько сильно горела любовь, что сама мысль о разлуке была невыносимой и не желала селиться в ее разуме. Однако однажды он действительно перестал приходить.

Юлиана приходила на места их прежних встреч, но нигде не находила следов его пребывания. Она блуждала по парку, всматриваясь в лица прохожих, но не встречала знакомого до боли красивого лица. Сердце щемило от тоски, не собираясь признавать расставание. После бесплотных поисков по знакомым местам, Юлиана стала просматривать статьи в газетах, читать новости в Интернете, но не находила ничего, за что бы мог зацепиться глаз. Просто признать эту утрату она не могла.

Острые предметы в руках вызвали болезненные эмоции и неоднозначные желания, ей казалось, что она медленно, постепенно сходит с ума, запираясь в своей комнате, представляя себя над телом человека, играла в воображении, представляя, как

разделяет его, наблюдает за течением уже почти мертвой крови. Родственники были обеспокоены ее болезненной замкнутостью, да и самой девушке порой не хватало воздуха, она задыхалась от отчаяния, одиночества и противоречия.

Через некоторое время Юлиана стала стараться брать себя в руки, запретила себе просматривать сайты про убийц, искать новости о пропажах и смертях людей. Жизнь постепенно возвращалась в обычное русло, если его можно было так назвать.

Как-то поздней осенью она гуляла по знакомому парку. Листья с деревьев опали уже почти все, но еще устилали замерзавшую землю; лужи чуть заиндевели по краям, но еще не покрылись тонкой коркой льда. Было холодно, но ветер дул не сильный.

Тихая дорога, пустая и одинокая, как и Юлиана. Девушка шла, погружившись в воспоминания: что бы она ни делала, как бы ни старалась себя отвлечь, мысли ее не покидали его голубые глаза, рука, легким движением отбрасывающая волнистые волосы, запах крови и неуловимый привкус одеколона. Но теперь ничего этого нет.

Проходя где-то на середине парка, Юлиана заметила на скамейке у дерева человека. Она не ожидала никого встретить здесь в такой час (девушка пораньше ушла с учебы), впрочем, это не было необычно. Человек — молодой красивый мужчина с темными, слегка вьющимися волосами и задумчивым лицом. Было видно, что он просто отдыхал на природе, хотя холодный пасмурный день мало к этому располагал. Юлиана почему-то не смогла пройти мимо, она остановилась напротив мужчины и долго смотрела на него. Его темные глаза, разглядывавшие серые плотные тучи, даже не посмотрели в ее сторону. Что-то в этом взгляде было притягивающее, на что просто нельзя не обратить внимания. Ей почему-то показалось, что их связывает одна тайна, что он участник драмы, невольной героиней которой стала она сама.

Девушка присела рядом, не решаясь ни заговорить, ни уйти. На ветку напротив опустилась большая черная птица, но взгляд ее внимательных черных блестящих глаз не смущал Юлиану. Хотя после пережитого ею эмоционального всплеска все прочие нервные ощущения были мелочью, чем-то окутанным туманом и находящимся вне пределов ее чувственного восприятия.

— И как тебя зовут? — спросил вдруг мужчина.

— Юлиана.

— А меня — Андрей, — с улыбкой ответил он. — Как ты здесь оказалась?

— Просто гуляла.

Мужчина перевел на нее взгляд, девушка же, напротив, опустила глаза.

— Нельзя просто гулять и оказаться в лесу потерянных желаний, — спокойно, но каким-то слишком неестественным голосом проговорил он.

— А это именно такой лес?

— То, что сейчас в твоём разуме — лес потерянных желаний.

— А вы как здесь оказались? — Юлиана мало понимала его.

— Я-то как раз просто гулял, — ответил Андрей. — Наверное, он был очень плохой человек? — вновь последовал неожиданный вопрос.

Девушка оглянулась: обстановка вокруг мрачноватая, людей поблизости нет.

— Он был убийца.

— Тогда ясно. Может, расскажешь свою историю?

Все это было более чем необычно, впрочем, для девушки, влюбленной в серийного убийцу (она и не подозревала, что Никита — просто киллер) и помогавшей ему прятать тела, мало что можно счесть из ряда вон выходящим.

— Боюсь, вы будете считать меня ужасным человеком. А сейчас мне бы не хотелось быть осуждаемой кем-то.

Андрей широко улыбнулся, но от этой улыбки Юлиане захотелось отодвинуться подальше — ледяной ужас, сравнимый с северным ветром, пробрал ее до костей.

— Если бы кто-то жаждал обвинений или отчуждений, — медленно, с расстановкой проговорил он, — то ему бы не стоило обращаться ко мне. Я не беру на себя право судить людей, ведь никогда не знаешь, чья тень скрывается за углом.

Юлиана с удивлением уставилась на него.

— Видимо, — вздохнула она, — мне суждено встречать только злых людей.

— Разве я говорил о зле? О, девочка, я и словом о нем не обмолвился. Пойми, если ты расскажешь, легче станет тебе самой. А если ты расскажешь мне, узнаешь, почему тебе не стоит себя осуждать.

И она, запинаясь, начала свою историю, стараясь избегать конкретных фактов и поражаясь собственной искренности.

— Мне так его не хватает. Дикое противоречие, что же это за любовь? — закончила девушка тяжелые для нее размышления вопросом.

Андрей сложил руки в замок, опустив их к широко расставленным ногам, и повернул голову к собеседнице. Все это время он внимательно слушал ее, а теперь заговорил ласковым, успокаивающим голосом, который все же не вселял в нее уверенность.

— Никто и не говорил, что любовь будет обязательно дарить счастье. За любовь страдают, умирают, убивают. Возможно, это вовсе и не такое светлое чувство, каким описывают его люди. Я тоже расскажу тебе одну историю — послушай:

«Нет, пожалуй, большей силы во Вселенной, чем безграничная власть одного человека над другим. Нет, это не осознанный контроль над его мыслями и поступками, эта власть непредсказуема, она может в любой момент вырваться из рук, как река, переполненная водой, выходит из русла. Порой, обладая этой властью, сложно управлять и самим собой, ведь любое высказанное слово или же, напротив, молчание могут породить непредсказуемые последствия.

Власть рождается на эмоциях. За ее возникновением сложно проследить и определенно невозможно предугадать. Она связывает двоих: обладателя власти и ее подчиненного, того, на кого давит весь эмоциональный груз, и для обеих эта связь рождается внезапно, вне зависимости от их желания. Причем, естественно, глубже эту связь чувствует подчиненный — для него она одновременно и наслаждение, и тяжесть. Это как тюрьма, из которой не хочется бежать. Дыхание перехватывает, и кажется, что воздуха не хватает, но вместе с этим начинаешь чувствовать все окружающие запахи глубже, любой звук вливается в ритм биения твоего сердца, начинаешь видеть то, чего прежде и не замечал.

Эмоциональный контроль действует как медленный яд: поначалу едва заметно захватывает сердце, и наступает ощущение легкой эйфории, уверенность, что все

возможно и все будет, и оно питает надежду. Но не надо путать сие чувство с обоюдным влечением, нет, это односторонняя связь. Медленно чувство горечи оседает в груди, с каждым днем надежды становится меньше. Но чувство не умирает, не проходит, а наоборот, становится навязчивой идеей, проникает в разум и остается там. И вот тогда наступает переломный этап между превозмогаемой болью, полным отчаянием и безграничной страстью. Нельзя сказать, что в этот момент забываешь обо всем на свете, по-прежнему крепок стержень внутри и ты верен своим моральным устоям, принципам, убеждениям. Только в них теперь нет смысла. Ничто не имеет значения, если рядом нет субъекта этой власти. Невербально он контролирует твои мысли, являясь в них первоначальной идеей. Вот тогда становится невозможным сдерживать себя, действия твои неконтролируемы, и ты готов пойти на все, ведь в голове уже одна мысль — нечего терять.

Власть, основанная на эмоциях, становится тяжким бременем для объекта — ему приходится испытывать столько чувств одновременно, и пройти столько стадий эволюции этих чувств в мысли, иногда переходящими в бред, безумие; а иногда и для субъекта — ведь и он является, хоть и косвенно, участником этого жестокого спектакля. Но более всего для него опасно использовать свою власть — объект легко может пройти путь от раболепской готовности до яростного бунта, и тогда об исходе даже догадываться не стоит.

Представь себя стоящим, раскинув руки, ночью на мосту в сердце кипящего от жизни города. Вокруг миллиарды огней, машины проносятся мимо со скоростью света, звуки сливаются в ритмичную музыку — песню, чьи слова можешь разобрать только ты, а мелодия состоит из сотни симфоний. И все это сливается в единую массу ощущений; что есть обоняние, слух, зрение — уже не понять. Вот что это такое. Сила, равной которой нет в мире. Самая ужасная сила — любовь, или, если хочешь, безответная страсть».

— А ведь он и правда стоял тогда на мосту, пытаюсь понять, что его сюда привело. Вряд ли это действительно была любовь — нельзя, испытывая ее, подвергать себя таким действиям. Это скорее психологический невроз, проблема, которую можно было бы решить. Шум колес по мокрому асфальту, плеск разрывающихся под ними луж, неоновый свет, шелест сухих листьев, соленый привкус крови от побоев на допросе, стук сапог по мостовой, порывы ветра — составляли страшную картину — декорацию к его самосожжению. Вот что ему пришлось сделать, чтобы испытать это жгучее чувство, понять, что ведет людей, управляет ими и безраздельно властвует над миром. И даже

тогда оно не было похожем на любовь. А Никита просто не может чувствовать это — он не врал тебе, ему надо стоять на краю, чтобы чувствовать себя живым. Это одна из причин его жестоких преступлений, — закончил Андрей.

— Да, — растерянно отозвалась Юлиана, которую повергла в долгое раздумье эта история, — он говорил что-то об эмоциональном диапазоне и... Пстой! — она резко вскинула голову. — Ты знаешь его, точно знаешь! Так мог говорить лишь понимающий его человек!

— Понимать и знать — разные вещи. А знаю я о нем от тебя. Хотя, возможно, и не только.

— Нет, — девушка замотала головой, путаясь в размышлениях. — Ты знаком. Но ты, то есть вы, — поправились она, — не осуждаете его, не считаете злым?

— Милая, — рассмеялся Андрей и не заметивший ее ошибки, — я уже говорил тебе об осуждении и моем мнении насчет этого. А вот насчет злобности... Я не то чтобы его злым не считаю, я вообще на добро и зло никого не подразделяю. Добро и Зло — это единое целое, две части естественного мира, как день и ночь. Быть злым или добрым совершенно нормально, как если быть жадным, миролюбивым или спокойным, здесь нет противоречий, и это нельзя осуждать, а тем более наказывать. И жестокость — такое же проявление характера, как мягкость или лояльность.

— Теперь я поняла! — Юлиана вскочила на ноги. — Он вас искал все это время! С вами хотел встретиться, вашими рассуждениями руководствовался, ждал вашей поддержки. Вы должны найти его и поговорить с ним.

— Я ничего не должен, тем более ему, — неожиданно сурово отрезал Андрей, но через секунду голос его снова стал ровным, хотя и довольно жестким. — Мне не стоит искать и разговаривать с ним, а ему нет смысла слушать мои речи. Что значит человек, прикрывающий чужими рассуждениями свои грязные дела?

— Но я не понимаю, — Юлиана снова опустилась на лавочку. — Вы же оправдывали его, говорили, что зла нет.

— Я не совсем это имел в виду. И я не оправдывал его — он сам старается оправдать себя.

— Вы противоречите сами себе! — возмутилась девушка.

— Нет, я выражаю свои мысли, и действительно верю в то, что говорю. А он лишь белит себя в моих словах, ищет лазейку своим преступлениям. Так переписывают догмы в Священном Писании, изменяя обряды. Люди говорят: времена меняются, прежние законы устаревают. Но на самом деле время тут не при чем: человечество просто не может оглянуться и признать, в какой грязи и пороках оно увязло. И потому старается оправдать себя, закрыть себе глаза, переписать неписанный закон, который нельзя изменить. Впрочем, у меня по этому поводу свое мнение, я и прежде законы подвергал сомнению — просто сказал о них в качестве доступного примера.

Юлиана долго не отвечала, пыталась обработать всю поступившую информацию в сознании, прийти к каким-либо выводам, но в конце концов сказала:

— Теперь я вообще мало что понимаю.

Андрей опустился к ней, положил руку на плечо, заглянул в глаза и ответил:

— Попытайся понять, что тебе больше не надо искать его. В мире так много вещей, на которые еще стоит обратить внимание. Не испытывай страха и не зацкливайся на себе. И не доверяй людям.

Он встал и пошел прочь. А Юлиана, в который раз за этот вечер, пыталась осознать, что она потеряла и что обрела.

— Ты скажешь хоть что-нибудь на прощание? — крикнула она ему вслед, когда мужчина уже почти скрылся за поворотом.

— А я и не прощаюсь, - ответил он.

* «Волшебный стрелок» - опера Карла Марии фон Вебера, либретто Иоганна Фридриха Кинда по одноименной новелле И. А. Апеля и Ф. Лауна.